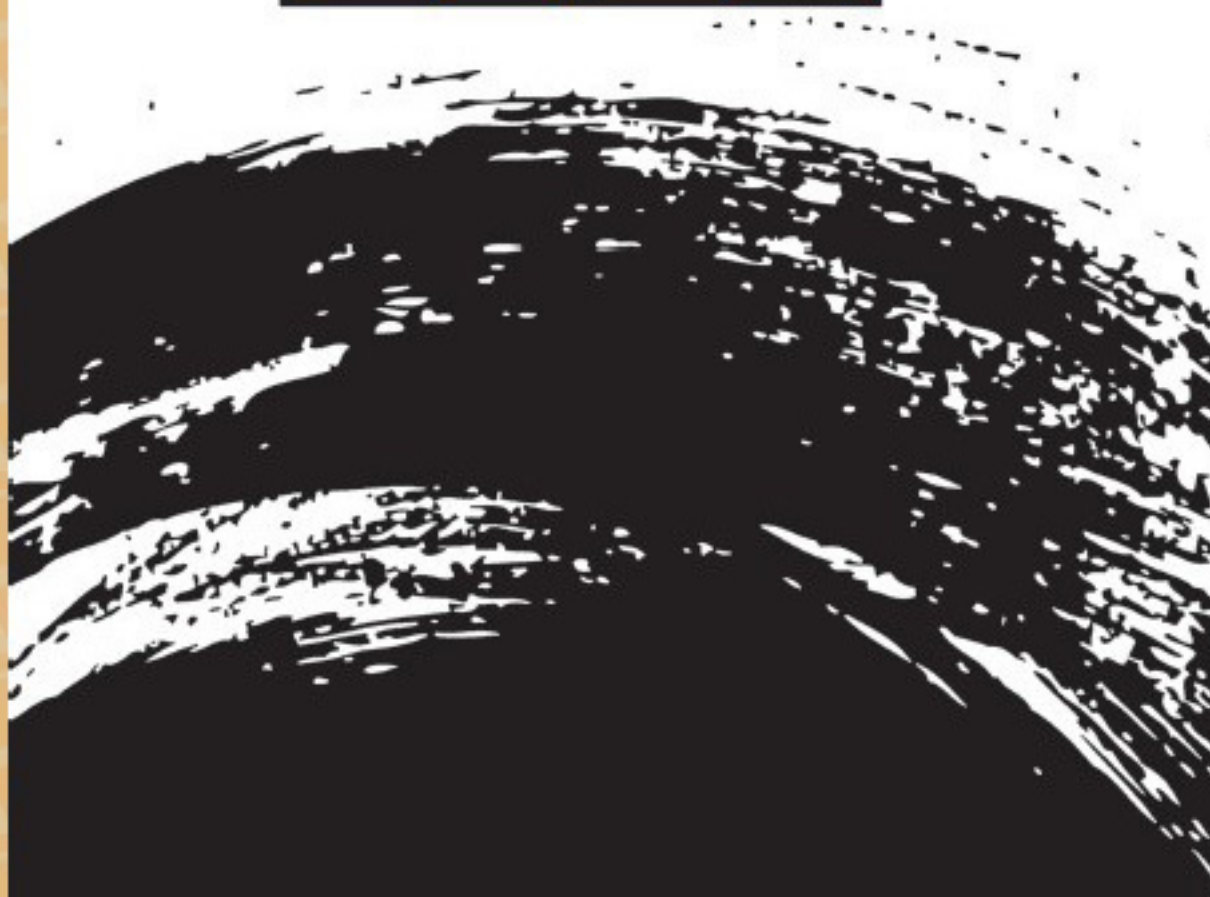

МЕЖДУ ЧЕРНЫМ И БЕЛЫМ

ЭССЕ И ПОЭЗИЯ ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН

Новый век китайской литературы

Коллектив авторов

**Между черным и белым.
Эссе и поэзия провинции
Гуандун (сборник)**

«Гиперион»

2017

ББК 84(5 Кит)

Коллектив авторов

Между черным и белым. Эссе и поэзия провинции Гуандун
(сборник) / Коллектив авторов — «Гиперион», 2017 — (Новый
век китайской литературы)

ISBN 978-5-89332-288-0

В сборник вошли новейшие произведения двадцати шести писателей из Гуандуна – самой развитой провинции Китая, магнита для талантов Поднебесной. Лирические стихи и пронзительные эссе расскажут о чувствах человека в стремительно меняющемся мире, о радости и душевной боли мигрантов, обретающих новую родину.

ББК 84(5 Кит)

ISBN 978-5-89332-288-0

© Коллектив авторов, 2017

© Гиперион, 2017

Содержание

Предисловие	6
Эссе	9
Чжань Гуфэн. Родители с кровной земли	9
1	9
2	9
3	12
4	13
5	15
6	16
7	17
8	18
9	19
10	20
Ай Юнь. Чья-то личная печаль	23
1	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Между черным и белым. Эссе и поэзия провинции Гуандун

- © Flower City Publishing House, 2017
- © Ю. Ю. Булавкина, перевод, 2017
- © Н. Н. Власова, перевод, 2017
- © Е. А. Завидовская, перевод, 2017
- © Е. Ю. Занина, перевод, 2017
- © Е. Н. Колпачкова, перевод, 2017
- © Т. И. Корнильева, перевод, 2017
- © Т. С. Миронова, перевод, 2017
- © Е. И. Митькина, перевод, 2017
- © Ю. С. Мыльникова, перевод, 2017
- © А. А. Перлова, перевод, 2017
- © М. Я. Пономарева, перевод, 2017
- © А. А. Родионов, составление, перевод, 2017
- © О. П. Родионова, перевод, 2017
- © А. Ю. Сидоренко, перевод, 2017
- © Н. А. Сомкина, перевод, 2017
- © А. О. Филимонов, перевод, 2017
- © М. В. Черевко, перевод, 2017
- © Издательский Дом «Гиперион», 2017

Предисловие

Провинция Гуандун находится на южной оконечности континентального Китая, это один из самых важных китайских регионов, первый во многих сферах.

Площадь провинции на суше составляет 179,8 тыс. кв. км, а еще к Гуандуну относится просторная морская акватория в Южно-Китайском море площадью примерно 419 тыс. кв. км. Длина береговой линии провинции Гуандун достигает 3368,1 км, в Китае в этом отношении она лидирует.

С 1989 г. и до нынешнего дня по объему экономики Гуандун из года в год занимает первое место среди всех провинций, автономных районов и городов центрального подчинения в континентальном Китае. Если бы провинция была самостоятельным экономическим субъектом, то заняла бы 16-е место среди мировых экономик. В дельте реки Чжуцзян находятся многочисленные городские агломерации, это один из наиболее урбанизированных районов мира. Такие ключевые города дельты, как Гуанчжоу и Шэньчжэнь, в экономическом плане уступают лишь Пекину и Шанхаю. А соседи с юга, международные мегаполисы Гонконг и Макао, тоже относятся к культурной зоне Гуандуна, где говорят на кантонском диалекте.

С развитостью экономики связано множество лидерств Гуандуна, например в объеме экспорта и импорта, числе интернет-пользователей, объеме торговли электроникой, количестве машин в частном владении и т. д. Однако главное лидерство – в населении. По новейшей статистике, постоянное население Гуандуна вместе с трудовыми мигрантами приближается к ПО млн человек, это первое место в Китае. Более половины китайских эмигрантов за границей – выходцы из этой провинции, то есть и в этом отношении Гуандун лидирует.

Если окунуться вглубь истории, то в 214 г. до н. э. армия Циньского императора объединила гуандунские земли, и с того времени культура Гуандуна, взрослая на берегах реки Чжуцзян, стала органичной частью китайской цивилизации, наряду с культурами рек Хуанхэ и Янцзы. По географическим и историческим причинам Гуандун сохранил значительное культурное и языковое своеобразие, здесь сформировалась особая линнаньская¹ культура. Она вобрала в себя местные обычаи, центрально-китайскую культуру и традиции Запада.

В Гуандуне расположены самые древние торговые порты Китая, это одна из колыбелей морского шелкового пути, по которому осуществлялись первые торговые контакты Китая с Юго-Восточной Азией, арабским и западным миром. Гуандун также является местом обмена идеями, здесь были составлены планы свержения в Китае феодальной монархии и перехода к современному государству. Если же говорить о проведении в Китае политики реформ и открытости, то Гуандун стал передовым рубежом открытости и особой экономической зоной. Социальная и экономическая сфера получили всестороннее развитие, Гуандун превратился в главное окно Китая во внешний мир.

Гуандунская культура отличается большим разнообразием, влияние Юга и Севера Китая, Запада и Востока мировой цивилизации сформировали ее открытый и толерантный характер. Некоторые гуандунские писатели – уроженцы этих мест, другие приехали из всех уголков Китая, поэтому определение «гуандунский писатель» весьма широкое. К ним относятся литераторы, которые происходят из Гуандуна или же прожившие здесь более двух лет. В процессе составления данного сборника мы прочли множество произведений, при этом главным критерием отбора служили литературные достоинства текстов. Мы обращали внимание на то, как под воздействием веяний эпохи гуандунские писатели через литературное творчество проявляют отношение к правде жизни, какие поиски и погружения они производят в мире духовном,

¹ Линнань – исторический регион Китая, где расположены нынешние провинции Гуандун и Гуанси (здесь и далее примеч. пер.).

и особенно важно, как они понимают и что нового видят в кипящем энергией Гуандуне. Из-за уникального места гуандунской культуры открытие Гуандуна – это и открытие Китая, более того, это открытие современного мира.

При составлении этого сборника мы обнаружили следующие новые черты гуандунской литературы.

Прежде всего, кроме развития местной культуры писателями, рожденными в Гуандуне, радует, что и многие писатели-мигранты также прониклись гуандунской культурой, из-за чего в местной литературе все сильнее чувствуется особый линнаньский дух. С началом проведения в Китае политики реформ и открытости Гуандун привлекает больше мигрантов со всего Китая, чем любой другой регион страны. Среди них есть и талантливые писатели, которые привнесли в гуандунскую литературу новые взгляды, содержание и энергетику. Однако раньше литература мигрантов развивала свои собственные сюжеты, рассказывала истории о своих родных местах, другими словами, она еще не обрела духовной связи с той землей, что приняла этих писателей, не стала ее плотью и кровью. Теперь же ситуация меняется, идет время, и литераторы-переселенцы пускают здесь все более глубокие корни, местные люди, обычаи и дух отпечатались в их сердцах и стали появляться на страницах их произведений. Ныне их жизнь стала единым целым с линнаньской культурой нового века, а содержание этой культуры, в свою очередь, обрело положительную тенденцию к общему обновлению и росту. Граница между так называемыми «писателями-мигрантами» и «местными писателями» постепенно исчезает, и те и другие торят новые пути в линнаньской литературе и ускоряют переход от «гуандунской литературы» к «литературному Гуандуну».

Во-вторых, это процветание городской тематики и зрелость городской литературы. С наступлением нового века социально-экономическое развитие Китая все больше проявляется в развитии городов. Города не только привлекают самый активный экономический капитал и собирают наиболее выдающиеся таланты эпохи, но и давно стали основной силой в созидании и распространении культуры. Современные писатели, особенно молодые, не только все больше и больше пишут о городах, но и достигают новых глубин в обнажении уникального опыта жизни в современном китайском городе, формируя тем самым новую литературную атмосферу. «Городская литература» более не является лишь определением по тематическому признаку, она превратилась в литературную область, имеющую феноменологическое содержание. Гуандун обладает одним из самых плотных и процветающих урбанистических поясов в Китае. В городских агломерациях дельты реки Чжуцзян, центрами которых являются Гуандун и Шэньчжэнь, постоянное население каждого из этих городов перешагнуло за десять миллионов человек, и они вошли в число крупнейших мегаполисов мира. Именно поэтому нынешняя гуандунская литература более не ограничивается изображением деревенских нравов, а демонстрирует отличительные черты городской литературы. Возьмем, например, некогда горячо обсуждавшуюся «гастарбайтерскую литературу», она ведь тоже городская по своей сути, ее критический посыл и размышления адресованы городской жизни, переживающей модернизацию. Или вот когда многие литераторы пишут о трудностях и надеждах, связанных с жизнью в городе, нам уже не встретить в их текстах большого и целостного образа города, городская жизнь воплощена в деталях их произведений. Можно сказать, что в изображении глубинных отношений между людьми и жизнью в городе гуандунская городская литература с каждым днем набирает зрелость. Сегодня она идет в авангарде китайской литературы как по числу произведений о городе, так и по их качеству.

В-третьих, в Гуандуне обращает на себя внимание стремительный подъем поколения молодых писателей. Не менее половины объема всего здешнего литературного творчества занимают произведения авторов, родившихся в 1970-е и 1980-е гг., они стали главной силой гуандунской литературы. Кто-то из молодых литераторов родился в Гуандуне, кто-то прибыл сюда на учебу, кто-то приехал работать, но для всех них, независимо от места рождения, Гуан-

дун, безусловно, стал родным домом. И в этом их кардинальное отличие от писателей предыдущих поколений: у молодежи гораздо глубже чувство родства с этой землей. Это говорит о том, что такой экономически развитый регион, как Гуандун, обретает собственную культурную субъектность. Мы видели, как вслед за стремительным развитием интернета традиционные бумажные СМИ оказались под ударом, а культурное пространство чистой литературы беспрецедентно сжалось, это вызов, с которым литературное творчество столкнулось в мировом масштабе. В такой сложный, неоднозначный и переменчивый момент мы замечаем, что литературная традиция продолжается в молодежи, и верим, что новой истории литературы непременно быть.

Объем данной антологии ограничен, и мы приложили огромные усилия, чтобы включить в нее как можно больше авторов. Тем не менее трудно избежать упущений, мы просто обречены оставить за бортом некоторые жемчужины. Впрочем, нашей изначальной целью и не было издание «исчерпывающего сборника», да мы и не верим в возможность существования подобного издания. Достаточно будет и того, если эта книга станет бакеном в море литературы, своеобразным мостом для культурных контактов наших стран, справочником и навигатором для российских читателей в познании Гуандуна, понимании Китая, знакомстве с живущими здесь людьми, которые, как и россияне, рождаются и умирают, любят и терзаются страстями.

Союз писателей провинции Гуандун, Институт Конфуция в Санкт-Петербургском государственном университете

Эссе

Чжань Гуфэн. Родители с кровной земли

1

Словосочетание «кровная земля» – это рыбка, которую не поймать сетями словарей китайского языка. Оно не включено в словари древнекитайского, а уж в современном языке и подавно не появляется.

Тем, кто спас союз этих двух обычных слов от неминуемой гибели, заставил засиять новой жизненной силой и показал глубину их духовного смысла, был Мо Янь. Лауреат Нобелевской премии по литературе, он был первым в истории китайского языка, кто изобрел это новое словосочетание, описывая свой родной край. Это изумительное словосочетание своей мощью сотрясает небеса и раскалывает камни, в нем люди могут увидеть родину, проникшую в них до самых костей, увидеть кровь в муках рожающих их матерей.

Каждый день по дороге на работу я непременно прохожу мимо комнаты родителей. Я приветствую стариков поклоном, они отвечают мне молчанием и лишь с легкой улыбкой провожают взглядом, когда я спускаюсь по лестнице – до тех пор, пока не шагну в полную шума и меркантильных стремлений мирскую суету. Во взгляде родителей я читаю их мысли и настроение: они желают мне счастливого пути, легкой работы, велят пораньше вернуться домой, чтобы побыть с женой и сыном, разделить с ними радость заведенного самим небом порядка семейной жизни.

Этот момент всегда был добрым началом дня. Даже когда на дворе стоял пронизывающий холод, даже когда небо затягивали свинцовые тучи, в мою душу проникал солнечный лучик, целый день дарящий тепло и радость. Шаг мой становился тверд и размерен – ласковый взгляд двух стариков стал для меня мощной поддержкой на жизненном пути.

Добросердечие и улыбка стариков вот уже много лет заключены в рамку на стене. Я совсем не считаю их посмертными портретами. На столике для жертвоприношений расставлены большие и малые курительницы, свечи, жертвенные фрукты; все наполнено светом, без малейшего намека на мрачное дыхание смерти.

Отец ушел от нас на четырнадцать лет раньше матери. Когда это случилось, я находился в далеком Гуандуне, расстояние было слишком велико, путь растянулся на целую вечность, и я не успел повидаться с ним в последний раз. Осознав опасность больших расстояний, мать постоянно напоминала мне о себе, велела непременно проводить ее в последний путь. Разъясняла все это она в излюбленной ворчливой манере. Мы с братьями и сестрой честно не придавали этому особого значения, и мать, видя это, все свои тревоги возложила на меня. Она знала, что братья и сестра неотступно находятся возле нее, и она может видеть их в любое время суток, и только меня носит по горам и долам вдали от нее. Чтобы успокоить мать, я кивнул и тем самым пообещал выполнить долг сыновней почтительности.

2

Разлучение смертью было для меня всего лишь далеким от реальности вымыслом литературных произведений, я не мог понять разлуки с близкими, пронзительную боль, с которой разрываются кровные узы. Поэтому слова, произнесенные отцом на больничной койке в 1993 году, стекли с меня, как с гуся вода, не оставив и следа. Он сказал: «Пока родители живы,

далеко не уезжай!» Я промолчал, а отец не стал настаивать на ответе; он всегда был покладист и снисходителен, считая, что дети не должны совершать выбор под давлением.

Недуг, который сковал его движения и иногда приводил в больницу, назывался болезнью Паркинсона. Это медленно прогрессирующее заболевание разрушает тело бесшумно и незаметно для невнимательных к своему здоровью людей. В молодости отец был крепок, почти не обращался к врачам и очень редко принимал лекарства, и именно эта его самоуверенность и небрежность дали болезни благоприятный шанс. Подобно Сунь Укуну², она пролезла в его тело, после чего упрямой принцессе Железный Веер оставалось только сложить оружие и сдаться.

Свои наставления сыну отец высказал бесцветным, ничего не выражающим голосом, и оттого вес этих шести слов – «Пока родители живы, не уезжай далеко» – в моем понимании был невелик. Они были подобны подувшему над рисовым полем слабому ветерку, нескольким дождевым каплям, упавшим на гладь пруда. В то время мой юный лоб еще не знал ни одной морщинки, а в черном шелке волос не сыскать было ни единого седого волоска. Что же до отца, то с тех пор, как он полностью освободился от привычной работы, прошло всего несколько лет, лампа его жизни была полна горячего, и огонь горел по-прежнему ярко.

Однако я забыл, что ветер – великий враг масляной лампы. Сколько бы ни было в ней масла и сколь бы ярко ни горел фитиль, без защитной крышки малейшее дуновение ветерка тотчас же ее погасит. Когда отец бесцветным голосом произнес свое наставление, его жизнь была как та не защищенная от ветра лампа, а губительный для лампы порыв злого ветра как раз тихонько скапливал силы в горах.

К моменту, когда отец ушел, я уже давно покинул родные края и стал гуандунцем, осев здесь на постоянное жительство. Я приехал в Гуандун на заработки, и за три года это место так и не стало мне домом. Здесь я не видел ни одного близкого человека, не понимал языка, не мог привыкнуть к климату, не имел постоянного жилья. Это был чужой город, где каждый день мне приходилось быть начеку и ходить словно по тонкому льду, соблюдая предельную осторожность. В стремительно развивающемся шумном промышленном городе ритм жизни подобен бешеному вращению колеса: стоит оплошать – и ты тут же уволен. Я собственными глазами видел, как некоторые возвращались восвояси, роняя горькие слезы изнеможения на дорогу, ведущую в родные края.

Начало моего жизненного пути своими руками проложил для меня отец. Он отвез меня за сорок километров от дома, в коммуну Таопин, чтобы я влился в ряды образованной молодежи³, а три года спустя открытыми и законными средствами выбил для меня по квоте место среди наемных рабочих, и я отправился подмастерьем винокура в один низовой снабженческо-бытовой кооператив. Когда пришло время устраиваться на постоянную работу, отец вновь записался вместо меня, укрепил фундамент, и я отправился в народную коммуну заурядным делопроизводителем, который вел учет производства, записывал показатели стальным пером на стальной доске и так коротал время среди восковки и печатной краски⁴. По природе своей я был добросердечен и мне не хватало жестокости уводить свиней и коров у тех, кто плодился сверх разрешенного кампанией по планированию рождаемости, и уж тем более я не мог поднять руку, чтобы содрать черепицу с их домов или начать копать под их стены⁵. После того как

² Сунь Укун – Царь Обезьян – китайский литературный персонаж, известный по роману У Чэнхэня «Путешествие на Запад». Является одним из наиболее популярных образов трикстера в культуре Восточной Азии.

³ «Образованная молодежь» (чжицин) – молодые горожане, которые добровольно или принудительно отправлялись в деревню в рамках проводившейся с 1950-х гг. до окончания «культурной революции» кампании «Ввысь в горы, вниз в села».

⁴ Канцелярские принадлежности 70-80-х гг. XX в. – стальная доска, стальное перо, восковка и печатная краска. Сперва восковку – провощенную бумагу – клали на стальную пластину и стальным пером наносили текст, а уже затем выдавленные на восковке символы переносили краску на обычную бумагу.

⁵ В рамках кампании по планированию рождаемости к нарушителям применялись самые серьезные меры, вплоть до конфискации скота и разрушения жилища.

я потратил таким образом три года, отец вновь похлопотал о моем возвращении в кооператив. Он прекрасно знал, что я совершенно не умею налаживать отношения с людьми, что я слабак, от которого не будет проку в ямэне⁶, к тому же мне не хватает духу просить людей об услуге, и потому отправил меня в уездный город заниматься секретарской работой в уездной кооперативной организации. В те годы он по-настоящему отпустил поводья, позволил мне выйти в поле и свободно пастись на свежей молодой травке. С высоты своего опыта, приобретенного за десятилетия работы в низовых структурах, отец полагал, что наступила весна моей жизни, распустились яркие цветы астрагала и сурепки на ее тучных полях, и настало время под едва слышное пение пчел выпустить в полет бабочку воздушного змея. Зрение его тогда еще не затуманилось, и он ясно видел, что на дороге, по которой я иду, нет камней, поэтому любящий взгляд можно обратить на моих братьев и сестру.

Отец не знал, что свою школьную мечту стать писателем я принес с собой в общество и на работу. В начале восьмидесятых годов прошлого века случился литературный бум, и на этом поприще, как на тонком бревне, перекинутом через овраг, толпилось бесчисленное количество молодых людей. Их было так много, что даже заслуженный литератор господин Ван Мэн⁷ предупредил, что не нужно тесниться на узкой литературной тропинке. Писать роман все равно что курить: чуть зазеваешься – и уже подсел. Я не смог избежать этого литературного наркотика и посвящал своему роману дни и ночи. Мой начальник был снисходителен, он ни разу не остудил мой пыл. Спустя несколько лет меня перевели в бюро внешней торговли и вверили небольшую ответственную должность. Здесь разверзлись шлюзы моего эгоизма, который разлился в один миг, как весенние воды. В рабочее время я все так же лелеял свой роман, словно пьяный или безумный. Я шел далеко не по прямой дорожке, а отец об этом и не подозревал. Но то, что его опечалило, было впереди: чтобы удовлетворить страсть к писательству, я подумал о федерации литературы и искусства – организации немногочисленной и настолько праздной, что в дверях ее можно было расставлять сети на воробьев. Я попросил о ходатайстве помощника начальника уезда, господина Сун Цзивэя. Начальник Сун был заместителем начальника бюро внешней торговли города Цзюцзян, а в Сишуй приехал на время. Он стал добрым гением моей жизни, ниспосланным мне самой судьбой, и взялся за дело столь же решительно и энергично, как и в годы службы армейским комиссаром – немедленно нашел секретаря уездного парткома и исполнил мое заветное желание. Узнав об этом, отец, вздохнув, сказал: «Такой молодой, а уже в союз литераторов, плохо дело с политикой».

Для человека, всей душой влюбленного в литературу, сбросить тяжелое бремя служебных обязанностей – настоящее счастье. К сожалению, по прошествии нескольких лет в провинции Цзянси провели экспериментальные реформы аппарата, и сишуйский союз писателей пал их жертвой, его маленькое деревце было вырвано с корнем, а горстка помешанных на литературе людей бросилась врассыпную, подобно тому, как разбегаются звери и птицы; это было скорбное событие, сравнимое с горем о смерти родителей. Такова предыстория моего отъезда в Гуандун в поисках новой жизни.

Весть о болезни отца нанесла тяжелейший удар моему роману. Спешно вернувшись домой, я только тогда по-настоящему осознал весь ужас болезни Паркинсона. Подобно капле, точащей камень, недуг полностью разрушил крепкое тело отца, остались лишь кожа да кости, руки и ноги тряслись, а мышцы атрофировались из-за длительного постельного режима.

Боль за родного человека в одно мгновение пронзила мое сердце. Но я обуздал горе и все-таки не позволил отцу увидеть своих слез. Я провел ночь у его постели, и каждый его стон отзывался болью в моей душе. Только теперь я понял, что семейная любовь – это те мышцы,

⁶ Присутственное место в дореволюционном Китае, представляло собой резиденцию чиновника и его помощников; в современном языке ямэнем иногда называют административные органы.

⁷ Ван Мэн (р. 1934) – китайский писатель.

которые удерживают кости вместе после перелома, и острие времени не в силах их раскрыть! Хотел бы я выменять здоровье отца на все, что когда-либо написал. Отец, если бы я мог вернуться к твоей кровати, в 1993 год, я отказался бы от всех своих книг и впредь не написал бы ни единого слова! Как бы хотел я быть почтительным сыном в родном краю и нести вахту у постели отца!

Неделю спустя звонок из-за тридевять земель вызвал меня обратно в Гуандун. Прощаясь у постели отца, я больше не мог сдержать нахлынувших слез, пропитанных всей моей сыновьей любовью. Расставание навеки подкралось ко мне вот так незаметно.

Не успел я пересечь границу Гуандуна, как меня настигла печальная новость. Позвонил брат и сообщил, что огонь в лампе жизни отца погас. Мой кабинет тотчас же превратился в траурный зал, я запер двери, обратился лицом на север и, преклонив колени, вновь и вновь бил земные поклоны.

3

С уходом отца семья наполовину опустела. Мать постарела всего за ночь.

Отец с матерью всю жизнь прожили под одной крышей и всю жизнь провели в ссорах.

Впрочем, сказать «всю жизнь» будет не совсем верно; в мои детские годы и в последние годы жизни отца слово «ссора» или еще не вошло в их жизнь, или уже покинуло ее.

Когда отец был еще совсем молод, он оставил отчий дом и с головой окунулся в революцию. Родивший и вскормивший его родной край с тех пор остался так далеко, что уж не видать было тех знакомых горных пиков, рек, деревень, коров. Отец с матерью были как два хлебных колоса, выросшие на одной земле, что подтверждал их схожий говор. Когда отец уехал из родной деревни, мать без колебаний тенью последовала за ним; когда светит солнце, тень – это дух, который невозможно отогнать. У моих деда с бабкой моя мать была единственной дочерью, а мой отец у других деда с бабкой – единственным сыном. Поэтому, когда отец с матерью покинули родной край и отправились на заработки, их дальнейшую жизнь очень точно описывало выражение «они были опорой друг для друга» – именно так они и прожили до самого конца.

Отец начал свою политическую карьеру еще до основания Китайской Народной Республики. Судьбой ему было уготовано быть накрепко привязанным к земле. Отец постоянно переезжал из коммуны в коммуну, и на бескрайних далеких захолустных землях остались его следы, а мать превратилась в верную своему мужчине тень, неотступно следующую за ним по пятам. Пятидесятые годы XX века стали для родителей самым счастливым временем. В те годы в деревнях тучные нивы и плодородные земли рождали тепло и уют. Фотограф, посетивший нашу деревню в 1959 году, оставил веское подтверждение моим догадкам.

Приехавший из города фотограф предстал пред деревенским человеком и перед бешено лающими деревенскими собаками во всем своем загадочном облике. Загадка фотографа заключалась в аппарате, который он нес на плечах. К моему понемногу возрастающему любопытству, аппарат отрастил три тонкие длинные ножки, а фотограф спрятался под толстым черным покрывалом, зажав в пальцах резиновый мячик. И в тот момент, когда он сдал его, наше с родителями, бабушкой и братьями изображение тут же переместилось внутрь загадочного аппарата, куда нельзя было подглядеть. Когда фотограф приехал во второй раз, он утолил детское любопытство при помощи одной черно-белой фотографии. Облик членов всей нашей семьи стоп-кадром запечатлен на фоне деревенского поля на северо-западе провинции Цзянси. На дворе был как раз канун весны, горы за моей спиной уже покрыли распустившиеся цветы рапса, а верхушки тунговых деревьев, словно лысая голова, внезапно выпустили едва различимые весенние волоски. Улыбка на лице матери была такой же счастливой и сияющей, как цветы астрагала в поле.

Двадцать девятый градус северной широты – это место, где наступление весны хорошо заметно, где климатические особенности выражаются в росте сельхозкультур и смене одежды. Между длительными периодами зноя и холода благоприятная весна столь же мимолетна, как цветение персика. В 1959 году я был беззаботным ребенком и еще не знал, что с взрослением и выходом в свет возрастет и повседневный стресс, а счастливое выражение на лицах отца и матери быстро окоченеет от суровых зимних холодов. Отца то и дело посылали в деревню, поэтому воспитание и пропитание детей стало ежедневной головной болью для матери. Ссоры частенько возникают из-за мелочей жизни, они разрастаются на благоприятной почве, а затем расплазываются и разгораются пламенем войны. В нашей семье часто все было застлано пороховым дымом.

На самом деле ссора – это всего лишь лежащее на земле куриное перышко, которое может сдуть легкий ветерок. Те скандалы, что мы с братьями и сестрами слышали, по большей части сводились к недостатку жизненно необходимых продуктов; приезжали родственники из деревни, а рис по карточке давно закончился; вот-вот нужно было идти в школу, а денег, чтобы заплатить за обучение, еще не нашли...

В канун нового года, когда мне было девять лет, на улице завывал суровый северный ветер, хмурое небо нависало над полями и с него на землю падали мелкие звездочки снежинок, а голодный отец, подгоняемый бранью матери, отправился рубить хворост. В домашней войне отец чаще выступал молчаливой, идущей на уступки стороной, он знал, что он – мужчина, что несет на своих плечах ответственность, знал, что означает, если в первый день года в доме не будет дров. Именно тогда я вдруг все понял; я смотрел, как отец надевает соломенные сандалии, берет топор для хвороста, веревку и коромысло, а затем одиноко уходит в снежную бурю, и мое сердце болезненно сжалось. В тот момент я так хотел превратиться в пса, чтобы побегать следом и быть отцу товарищем в той далекой одинокой снежной буре.

Много раз мать подзывала нас с братьями и сестрами и тихонько спрашивала: если семья распадется, то с кем мы захотим остаться?

На моей памяти ни один из нас так ей и не ответил. На такой, казалось бы, простой вопрос никогда не будет правильного ответа. Если в отношениях между детьми и родителями сломалась кость, разве мышцы не будут удерживать ее вместе?

На наше молчание и уклонение от ответа мать всегда реагировала слезами и всхлипами. Я никогда не верил, что мать сможет убить семейную любовь, расколоть нашу семью, изо дня в день терпевшую лишения, позволит нам узнать ледяное слово «мачеха».

В детстве слово «мачеха» означало для меня женщину, внушающую страх и несущую тревоги, а еще собранную из осколков разбитую семью. Нарочно или нет, но я читал и слышал множество историй про страшную мачеху. В консервативном обществе, где развод еще не стал привычным делом, повсеместно приемлемым явлением, а считался чем-то ненормальным, царили предубеждения против женщин, которых брали в жены после развода. Общество воплощало это презрение в сказках, которые внушали не знавшим жизни детям ужас перед возможностью прихода мачехи; во всех сказках трагический удел детей, в жизни которых появлялась мачеха, выражался в побоях, мучениях и голоде, которые им приходилось от нее терпеть. Развод родителей стал бы для меня внутренним кошмаром, и поэтому, чтобы усмирить пожар семейной войны, мы с братьями и сестрой хотели быть послушными детьми, хотели своей смысленностью подарить веселье и радость жизни нашей матери.

4

Я трусливый и болезненный человек. Самую первую боль мне причинила палка матери.

Когда я вырос, мое познание и понимание боли стало сильнее и глубже. Боль – это неизбежный путь каждого человека, неважно, из простых ли он бедняков или из императоров и князей, в жизни невозможно избежать столкновения с болью и мучениями.

Боль – главнейший враг физиологии, психологии и тела. Стенанья, самоубийство, ренегатство, капитуляция, смерть – все это растущие на дереве боли дурные плоды. Но боль – это не болезнь, для меня боль всегда была связана с семейной любовью, с болью текла кровь наших семейных уз.

Я прозревал в бесчисленных случаях телесной боли. У боли есть пол и возраст. Стоны женщины, которая разрешается от бремени, – вот источник боли всего человечества. Когда я пришел в этот мир, моя мать подверглась смертельной опасности, у нее почти не было шансов выжить. В тот момент она испытала самое глубокое сожаление и прочувствовала тендерную несправедливость.

Мать до конца жизни помнила боль, которую испытала при родах, и с тех пор насильно переносила ее на меня. Когда я шалил или когда портилось ее настроение, в ход шла палка, метла, кухонная лопатка, каминные щипцы или даже кухонный нож, – все эти бытовые предметы, которые можно взять походя, словно волшебный меч обрушивались на мое тело, и та боль, изнурившая когда-то мать до полусмерти, в одно мгновение переходила на мою плоть.

Боль передавалась от старшей младшим, потому что мать любила нас, но ей не доставало культуры воспитания, и эта любовь часто оставляла на моей плоти кровоточащие раны. Душевная травма не позволяла мне видеть облегчение и успокоение, которые она испытывала, выместив свою боль на мне. Иногда, когда я вытирал с лица слезы, мать в одиночестве пряталась в углу и плакала сама. Много лет спустя, когда я стал отцом, я неожиданно понял, что можно передать любовь, но невозможно отдать боль.

Та боль стала похожа на выдержанную фотопленку, высушенную и местами покрытую царапинами, но, казалось, была выгравирована в камне и ушла в глубины времен. Маленькая улица Ханкоу – это место, где мне было больнее всего. Это воспоминание о времени, когда мне не было и шести, такое же твердое, как сизые камни этой улочки. В тот день мы с приятелями лежали на каменном мосту и смотрели на течение бежавшей внизу реки и на резвящихся в воде рыбок. Мост возвышался над поверхностью воды на несколько *чжанов*⁸, вода была мрачна, и самый острый взгляд не мог измерить ее глубину. Я был молодой и глупый и не считал глубокие воды реки своим врагом, и уж тем более не чувял приближавшейся потихоньку опасности. Только когда обыскавшаяся меня мать неслышно подошла сзади и в ярости вцепилась мне в ухо, я отчетливо ощутил неизбежность побоев. Я боролся изо всех сил, но это лишь еще больше разгневало ее. Ухо стало обузой для моего тела и самой удобной рукояткой для матери. Она вцепилась в него мертвой хваткой, и чтобы облегчить боль, я из последних сил привставал на цыпочки, но гнев матушкиной руки и неровность уличной брусчатки не позволяли облегчить боль моему уху. К моменту, как мы прошли улицу, ухо демонстрировало признаки отделения, роняя бусинки алой крови на мое тело и на сизую брусчатку, растекаясь по ней прекрасными и скорбными цветами кровавой сливы. Сквозь свой громкий рев я смутно слышал, как кто-то рядом укоряет мать; зеваки и заступники, поддерживая слабого невежественного ребенка, прибегли к таким словам, как «жестокая», «это уж слишком», «мачеха», и прочим в том же духе.

Еще до этого я по неведению проявил неуважение к луне, указав пальцем прямо туда, где живет лунный заяц и растет коричневое дерево⁹, за что и был наказан – на моем ухе с тех пор

⁸ Чжан – китайская мера длины, равная 3,33 м.

⁹ Согласно народному поверью, на луне живет заяц, который сидит под ветвями коричневого дерева и толчет в ступе траву бессмертия.

белел шрам, оставленный лунным светом. Матушкина трепка подлила масла в огонь, и мое и без того хрупкое ухо теперь еле держалось на голове.

Потом мать отвела меня в больницу на перевязку, и мое раненное, обмотанное марлей ухо стало символом ее жестокости. Тот случай также оставил шрам и в душе моей матери, только мой шрам был снаружи, видимый с первого взгляда, а рана матери таилась в сердце, и об этой боли знала она одна.

В то время на лице матери уже не осталось улыбки 1959 года, и хотя фотография, запечатлевшая семейное счастье, лежала на столе, придавленная стеклом, у матери больше не было ни времени, ни желания рассматривать это теперь уже далекое мгновение деревенской жизни. Постоянно растущее число детей и вечные, нескончаемые домашние дела горой навалились на ее хрупкие плечи и добавили пороха в ее и без того взрывной характер. А наши с братом шалости частенько становились той искрой, что взрывала его.

После образования Китайской Народной Республики мать покинула родной край вместе с отцом. В то время в мыслях ее был план. То, о чем рассказывала мать, по большей части было увековечено и подтверждено черно-белыми фотографиями. Еще до моего появления на свет мать посещала ликбез-кружок, а затем пошла в деревенскую больницу акушеркой – помощницей появлению новой жизни. Если бы не рождение и воспитание детей, мать могла бы и дальше идти по тому жизненному пути, о котором всегда мечтала, и, как и отец, жить на казенных хлебах. Всю жизнь в карман ее верхней одежды была воткнута ручка. Но постоянно рождающиеся дети и отсутствие помощи старших сломали ее личные перспективы и мечты.

Русский писатель Лев Толстой говорил, что «все счастливые семьи похожи друг на друга». На самом деле несчастные семьи тоже похожи в своем несчастье. Бедность была источником раздоров во всех семьях той эпохи. Палка, которую мать пускала в ход в воспитании детей, была всего лишь проявлением гнева, источником которого на самом деле был отец. Мать считала, что отец дни и ночи проводит на работе, но полученной зарплаты не хватает на то, чтобы содержать дом, и жизнь семьи по его вине лишена человеческого достоинства.

После рождения брата в мир явилась сестра, а затем хлебнуть горя один за другим пришли двое других братьев. На всех наших вещах – одежде, еде, жилье, транспорте – отчетливо виднелось клеймо «нищета». Ссоры с самого начала стали привычной картиной жизни этой вышедшей из деревни семьи.

5

Огонь войны в семье был неожиданно-негаданно потушен беспрецедентным политическим движением. Домашняя война отца и матери внезапно прекратилась в 1966 году.

«Культурная революция» была самым страшным и долгим периодом за всю мою жизнь, ее ужас оставил далеко позади страшилки о ведьмах и злых духах, которыми в детстве пугала нас мать. Ворота школы, где я учился, наглухо заперли, а снаружи дополнительно привалили мешками с песком; позади этого незыблемого форта выглядывали мрачные дула ружей. На улицах городка то и дело раздавались неожиданные выстрелы, и в тот же миг можно было увидеть, как замертво падают проходившие мимо мужчины. Ненависть противоборствующих лагерей – смертельная, проникающая до самых костей. Убийственные стволы стали предметом вождения многих людей и многих организаций. Поскольку под руководством отца, когда тот работал милиционером в районе Маао, поимка бандитов была эффективной, его повысили по службе и сделали начальником уездного управления общественной безопасности, и тогда у него появился пистолет. Однако это оружие стало для моих родителей источником беспокойства и кошмарных снов.

Было время, когда я каждый день видел группу людей, которая приходила к отцу. Однако мать каждый раз говорила, что отец уехал в деревню. Толпа состояла из незнакомых молодых

людей с красными повязками на плечах. Говорили они вполне приветливо и не задерживались надолго, но на сосредоточенном лице матери я видел потаенное напряжение и панику. В свои десять лет я был всего лишь школьником, но уже тогда в глубине души знал цель прихода тех людей: они разглядели в руках отца пистолет и теперь хотели, чтобы он отдал им это оружие убийства.

То, что толпа каждый раз уходила несолоно хлебавши, на самом деле было результатом хитрого замысла матери. Она задолго предчувствовала опасность и к моменту появления людей с повязками велела отцу вернуться в родную деревню; он ускользнул от них, как рыба, уплывшая в открытое море. Люди, жаждавшие отобрать у него пистолет, никак не подозревали, что бабушка в деревне уже спрятала отца в темных лесах его родной земли. Это был край пышных деревьев и густых трав, простых и бесхитростных людей. Появись кто с городским говором – ни за что не смог бы приладиться, а деревенские сторожевые псы своим острым нюхом издалека чуяли опасность и исправно предупреждали о ней.

Оказавшаяся под угрозой жизнь отца в тот необычный момент получила статус главной беды семьи. А бедность, недостаток еды и одежды заслонила и отодвинула на задний план борьба, инициированная Мао Цзэдуном. Пожар войны и дым сражений переместились на улицы, а отец и мать в условиях тягот и лишений вновь положились друг на друга.

По моему впечатлению, слово «отец» неизменно связано с поездками в деревню, как будто вся его работа состояла только из них. Самый долгий период разлуки с отцом был, когда он в составе рабочей группы по воспитанию социализма отправился в далекий от Сюшюя уезд, в котором проработал почти год. Все в тех краях было ему незнакомо, никто не понимал его говора, он никак не мог привыкнуть, и мать волновалась за него все триста шестьдесят пять дней. Но и нынешняя разлука была долгой, дети уже привыкли не видеть отца, а вот мать ежедневно беспокоилась, не спала ночами, и при малейшем дуновении ветерка сердце ее обрывалось.

Когда из недр моей юной кожи впервые полезли хиленькие усики и бородка, мать одолжила у соседей денег и купила петуха. В тот день, когда я вернулся с гор, измученный, нагруженный коромыслом с вязанками хвороста, мать в сумерках масляной лампы усадила меня за стол и дала мне в одиночку насладиться ароматным деликатесом. Тогда свершился мой обряд инициации, голос мой начал набирать мощь, мускулы на теле вздулись за одну ночь, а что до матери, то ее лоб и виски тронули первые признаки старости, и она превратилась в истощенную тень.

6

Мать была по жизни стойким человеком, но перед лицом болезни превращалась в слабого ребенка.

По впечатлению нашей родни и тех, кто знал мать, она сама была воплощением болезни, невозможно подсчитать, сколько раз за всю жизнь она побывала у врачей, сколько приняла горьких и сильнодействующих китайских лекарств. Никто не верил, что она сможет перешагнуть хотя бы порог среднего возраста.

Все свое болезненное, как осенняя трава, тело мать отдала рождению кучи детей. Причины своего нездоровья она видела в бедности семьи и в недостатке заботы со стороны отца, однако совершенно забывала о собственной привычке отказываться от скоромного, о муках экономии и бережливости и о своей порочной практике уклоняться от предписанных врачом лекарств. Вся ее жизнь была пронизана собственным прирожденным упрямством.

Однажды мать лежала на кровати и была настолько измучена болезнью, что уже не могла встать. Отец еще не вернулся из деревни. Когда я, голодный, пришел в школу, во дворе еще не было ни души. Наша классная руководительница, учительница Тан, изумилась столь странному

поведению ученика, она озабоченно расспросила меня о случившемся и привела к себе домой. Спустя больше тридцати лет я по-прежнему отчетливо помню тот завтрак: в доме учительницы я наелся пампушек и рисовой каши, а потом отправился в класс. Я был сыт этим завтраком всю оставшуюся жизнь.

Учительница Тан Шанчжэнь оставила теплый след в душе ученика. Моя благодарность ей выросла из семечка, посаженного ею за обеденным столом. Даже сейчас, когда я уже превратился в старика, мои младшие и средние школьные годы, моя университетская молодость – все хранит наставление учительницы, и дружба между учителем и учеником все еще свежа за обеденным столом, оставшимся на несколько десятков лет позади. Спустя некоторое время я покинул родителей, покинул родной край и уехал искать новой жизни в далекий Гуандун. В этом чужом краю мне столько раз звонили школьные и университетские учителя, они спрашивались о моей работе и жизни, подбадривали своего ученика наказом никогда, ни при каких обстоятельствах не отказываться от своей мечты. Мне очень больно, что учительница Тан давно покинула этот мир, но ее голос и улыбка до сих пор частенько являются мне во сне.

Воспоминание о каком-то из проявлений боли всегда выявляет ее истинный облик. Тан Шанчжэнь была учительницей, похожей на мать, а вот моя мать нисколько не походила на учительницу. Ее болезни часто пугали и ужасали меня. Когда она больная лежала на кровати, я не мог ходить в школу и ухаживал за ней дома. Мать боялась западной медицины, пугали ее и западные лекарства. К тому же, заболев, она отказывалась идти к врачу и часто тянула до тех пор, пока болезнь не осложнится, и мы не отводили ее в больницу насильно. Этот страх прошел через все мое детство и юность и продлился вплоть до средних лет. Когда меня отправили в деревню и после того, как я начал работать, ни одна весточка или телефонный звонок не обходились без сообщений о ее болезни. Получив весть, я немедленно спешил домой и находил мать стонущей на кровати. На сердце становилось тяжело, и с тех пор я заразился не поддающимся лечению тревожным расстройством. Окончив среднюю школу, я уехал от родителей. В годы ли, проведенные среди «образованной молодежи», или в народной коммуне – я всегда жил вдалеке от них, оставшихся в уездном городе. И там, где я был без них, почти каждая весточка и каждый телефонный звонок были о болезни матери. В монотонной череде лет ее болезнь и мое тревожное расстройство сформировали своего рода цикл. Мать была пессимисткой, и я тоже не видел в жизни света.

Неся вахту у тоскливой постели больной матери, я ненавидел себя за то, что не стал врачом и теперь не могу облегчить ее страданий. Глядя на ее упорное нежелание обращаться к доктору и принимать западные лекарства, я всегда про себя беззвучно молил, чтобы ее болезнь и ее боль перешли ко мне, я хотел бы в стократном размере принять эти духовные и физические муки.

7

Перед лицом болезни отец был настоящим крепким мужчиной, он всегда был полной противоположностью матери. Ему не была свойственна, как ей, разборчивость в еде, неприятие скоромного, пониженный аппетит и страх перед западной медициной; батрацкое происхождение, работа на землевладельцев до освобождения и тяжелый физический труд сделали его тело могучим и выносливым. Частые поездки в деревню, командировки, ночные сверхурочные смены и тяжелая физическая работа, вроде таскания воды и рубки дров, не подорвали его здоровья. Все думали, что этот мужчина доживет до глубокой старости. Мы с братьями и сестрами тоже всегда лелеяли самые радужные надежды по поводу здоровья отца.

Только спустя несколько лет я узнал, что не существует в мире никого, чье тело было бы отлито из стали. Тело человека – как аварийный дом перед землетрясением, и невозможно предугадать, в какой именно миг он обратится в руины.

Преждевременный уход отца на пенсию был тем началом, когда его здоровье дало трещину. Он ушел для того, чтобы на работе его подменил мой младший брат. Такие подмены были политикой, которую проводило правительство в качестве временной меры для ослабления проблемы трудоустройства молодежи. В то время отец был директором в уездной торговой компании, он очень любил эту должность и не хотел ее покидать, но знал, что эта политика замены – всего лишь феномен короткой, как цветенье канн, жизни. Поэтому, положив на чаши весов собственную работу и мое трудоустройство, скрепя сердце, выбрал уход на пенсию.

Однажды вечером отец вернулся домой. Улыбка, в прошлом не сходившая с его лица, неожиданно погасла, и теперь на нем царила неисчерпаемая грусть, словно медленно действующий яд просачивался в его кровь. Недуг под названием болезнь Паркинсона незаметно прокрался в его тело. Его руки иногда начинали непроизвольно дрожать, и эту дрожь невозможно было обуздать силой воли. Я совсем не заметил, что землетрясение в глубине его тела начало аккумулировать энергию, и уж тем более не понимал всего смысла той древней пословицы, что он сказал мне на больничной койке: «Пока родители живы, не уезжай далеко».

То, что я покинул родителей и приехал на заработки в далекий Гуандун, только усугубило тяготы отца, подлило масла в огонь, которым было охвачено его тело. Молчание отца на самом деле было громоподобно, но, к сожалению, рядом с любимыми я становился совершенно глух.

Уйдя с работы, отец потихоньку начал уходить и из мира. Сперва он перестал выходить на улицу, ограничиваясь четырьмя стенами дома, затем отступил на стул, а после, не в силах ничего поделаться, и на кровать. Его ноги, быстро бегавшие в молодости, навсегда распрощались с землей, и с тех пор он ушел со всех дорог, по которым ходят на этом свете.

Последний раз я виделся с отцом в траурном зале, где лились звуки похоронной музыки, я возвращался туда, где не смог присутствовать лично, с помощью аудиопленки. В посмертном изображении отца была буддийская безмятежность, но не доставало улыбки 1959 года. Счастье поблекло, поблекли и тревоги. Слезы застили мои глаза, я неожиданно вспомнил слова Чжан Айлин¹⁰: «В мире нет ни одного чувства, которое не было бы бесконечным страданием. Жизнь коротка, но страдания долги».

8

После того как отец ушел, я поспешил вернуться домой. «Возвращение»¹¹ в те дни уже не было той знаменитой саксофонной мелодией. Безотлагательность семейной любви заставила странника, чей собственный возраст перевалил за пятьдесят, измерить в уме протяженность жизни.

Место, где отец заснул вечным сном, по-прежнему находилось в поле зрения сына. Расстояние между жизнью и смертью было расчерчено всего лишь рекой. Каждый раз, приходя на его могилу, я слышал только мрачное завывание горного ветра – отцовская неразговорчивость продолжилась и в другом мире. Сколько бы слов тоски ни произнесли мы с братьями и сестрами на перекрестке двух миров, сколько бы свечей и хлопушек ни потратили, чтобы выразить свою любовь, отец только молчал. Когда слезы мои оросили всю гору, я подумал: «Отец, неужели ты хочешь, чтобы твой сын вернулся в детство, подпоясался соломенным перевязлом; неужели ты хочешь, чтобы твой сын босиком обошел гору Кайшань – только тогда ты признаешь меня?»

После того как время отняло у меня половину семейной любви, моя дорога домой стала еще дальше и еще медленнее. Каждый последний месяц года в гуанчжоуских поездах полно

¹⁰ Чжан Айлин (1920–1995) – китайская писательница.

¹¹ Речь идет о композиции «Going Home» саксофониста Кении Джи.

людей, которые возвращаются домой. Легкий и тонкий билет на новогодний поезд¹² в порывах ледяного ветра вдруг потеплел. А я в тот момент был мусульманином, который совершал паломничество в Мекку. Будь в вагоне еще теснее, а путь еще медленнее, это не поколебало бы прочность кровных уз.

Скоро будет двадцать лет с тех пор, как я покинул родителей. За эти двадцать лет я могу по пальцам пересчитать, сколько времени провел с моими стариками. После того как отец отправился в рай, забота о жизни матери и уход за ней в болезни стали обязанностью моих братьев и сестер, я же упустил моменты этих горьких забот. Все мечты моей матери были о том, чтобы я приехал к ней из-за тридевяти земель, и это стало для меня стимулом оставить работу и немедленно отправиться в путь.

Мать всю жизнь страдала от ипохондрии и от своего взрывного характера, и на склоне лет на ее лице так же трудно было увидеть радость жизни. Только когда мы с женой вернулись, на ее изможденном болезнью лице, как цветок эписфиллюма¹³, ненадолго расцвела радость.

Мать была непритворным по жизни человеком, она привыкла к лишениям, и даже постарев, не имела завышенных требований к еде, одежде и прочим благам. Сидя у ее постели, я слушал ее рассказы о прошлом, ее воспоминания о давно минувших днях – для нее это была самая большая радость в старости. Отец уж далеко ушел, а она все еще не забыла его увлечения игрой в карты, все еще злилась на него за пренебрежение семьей, осуждала и клеймила за то, что он заставил ее бросить работу и сосредоточиться на домашних делах. Что до насилия, которое она когда-то совершала надо мной, то молчаливыми вздохами она тактично выразила свое раскаяние. В этот момент скрывавшаяся в глубине времени любовь всплыла на поверхность, как водоросли, и все многочисленные, упорные заблуждения матери постепенно отступили, стоило ей взглянуть в глаза детей.

9

После смерти мать превратилась в бабочку, черного парусника.

Ее устным завещанием было, чтобы я позвал даосов, которые провели бы по ней трехдневный молебен. Это было последнее испытание, которому она нас подвергла, древний сюшуйский траурный обычай – проверка потомков на преданность.

На церемонию приехали близкие, друзья, однокашники, знакомые – все они прибыли проводить мать в последний путь, несмотря на адский зной. Треск разрывающихся хлопушек стал для нас сигналом опуститься на колени и приветствовать всех, кто явился, чтобы почтить ее память. Двадцать четыре часа без перерыва несли мы вахту в траурном зале, в скорби и печали ожидая треска разрывающихся хлопушек. Время от времени даосы, явившиеся на церемонию в полном облачении, с чувством читали заупокойные молитвы, избавлявшие ее дух от загробных мучений, а мы с братьями, сестрой и всеми прочими потомками отбивали все эти незнакомые предписанные земные поклоны под ритм гонгов и пение сона¹⁴, под взмахи пятицветных траурных флагов. В лучах палящего солнца пот стекал с меня ручьем, я устал и измучился, все конечности затекли. Этот утомительный, бесконечный обряд чтения молитв над умершей был самым жестоким испытанием, которому подвергла меня семейная любовь. Когда у меня уже не осталось сил держаться, я вспомнил одного своего друга.

¹² По традиции Новый год непременно нужно встречать в кругу семьи, поэтому в праздничный период в Китае ежегодно случается коллапс в связи с перегруженностью транспортных линий; поезда, самолеты и прочие транспортные средства в это время называют «новогодними».

¹³ Растение семейства кактусовых, произрастающее в тропических зарослях Америки и Мексики, с крупными яркими цветами.

¹⁴ Духовой язычковый музыкальный инструмент. Изготавливается из твердой древесины лиственных пород деревьев.

Несколько лет назад он заботился о матери, тяжелая болезнь которой привела ее в больницу. Болезнь была неизлечима, самые блестящие врачи и лучшие лекарства не могли дать ей надежды на жизнь. Только благодаря неусыпной заботе близких жизнь больной продолжалась в безнадежности, но ухаживающий за ней сын вдруг выбился из сил и был сражен внезапным инсультом, после которого больше не очнулся и трагично ушел раньше матери. Друг был в полном расцвете сил и так неожиданно, без малейшей причины, простился с матерью и друзьями. Я получил трагическое известие утром, по мобильному телефону, в далеком Гуандуне, и в первый момент не мог поверить в услышанное – эта логика противоречила законам жизни и была самой горькой в мире трагедией.

В палящем зное, шуме, хаосе полный фимиама погребальный зал был местом, где жизнь расходилась со смертью, границей между инь и ян. На улице был зной, как на Марсе¹⁵, жара могла бы спалить все травы и деревья в горах. В этот момент я и увидел того черного парусника. Бабочка грациозно порхала прямо над гробом матери. Я следил за ней, а она не боялась людей, как будто траурный зал был дикой степью, усеянной свежими цветами, аромат которых она учуяла. Бабочка кружилась прямо у меня перед глазами, не уставая и не ведая опасности. В те бесконечные, скорбные, гнетущие три дня я видел, как она вновь и вновь появляется в траурном зале и летает у меня над головой.

А в момент, когда отходила душа покойницы, бабочка неожиданно исчезла в звуках траурной музыки – исчезла без следа. Я знаю, эта чернокрылая бабочка была духом моей матери. Ее полет был последним прощанием семейной любви. И с этого момента семейная любовь, которую могли дать мне родители, ожидала меня только в следующей жизни, в следующем рождении!

Превратившаяся в бабочку мать впоследствии возвращалась ко мне во сне. Мы уже исполнили ее завещание, ее полет был легок и изящен, и слезы семейной любви более не орошали ее крыльев.

10

Милые бранятся – это стало привычкой большей части жизни моих родителей, и каждый раз, когда они ссорились, это пронзало сердца детей острым ножом. Я много раз думал: если есть реинкарнация, то хорошо бы, чтобы отец с матерью разошлись. Почему в этом мире людям, которые не любят друг друга, позволено быть вместе?

Морщинки в уголках глаз матери, похожие на рыбий хвост, появились, когда она была еще очень молода. В этих безрезультатных и бесконечных ссорах рыба не резвилась, намертво прикрепившись к уголкам глаз и кончикам бровей матери, и с тех пор на всю жизнь осталась с ней как доказательство ее усталости и лишений.

Не знаю, почему ссоры этих двоих оставили на сердце матери столь глубокую рану. Даже любовь детей не могла уменьшить ее боли.

В последние годы жизни отца у него уже не осталось сил на скандалы. На самом деле за всю долгую историю скандалов моих стариков чаще шел на уступки именно отец. Он уступал глубоким молчанием, всегда молчанием. Это молчание и уступчивость несколько не усмиряли гнев, копившийся долгие годы в сердце матери. Еще при его жизни и уже после того, как он ушел, мать неоднократно и неустанно твердила нам, что после смерти хочет вернуться в деревню, хочет, чтобы их с отцом похоронили в разных местах.

Перевоплощение моей матери в бабочку в похоронном зале в мыслях моих превратилось в акт классической шаосинской оперы «Лян Шаньбо и Чжу Интай»¹⁶. Однако бабочка матери

¹⁵ В китайском языке Марс – «Огненная звезда».

¹⁶ Легенда о двух влюбленных, Лян Шаньбо и Чжу Интай, которые после смерти превратились в бабочек.

не имела никакого отношения к романтике, она была связана с семейной любовью. Ее несогласие там, где исчезла ее жизнь, по-прежнему не изменилось. Вот только мать забыла, что завещание нельзя исполнить самому, его исполняют дети.

Несколько лет назад я нашел на родине превосходное кладбище. Деревья давали там густую тень, и шум мира живых не донимал мира мертвых. Среди широких просторов бежала река моего родного края, которую называли Сишуй, вдоль берега тянулись зеленые горы, единственной полосой другого цвета было сквозное шоссе. Мы загрузили внутренние покои выстроенной усыпальницы в фотоаппарат, и ее райский облик кадр за кадром был воссоздан перед глазами матери. Размер гробницы ничуть не уступал каморке, в которой мать прожила всю жизнь, а на просторном месте для молений перед самой гробницей росла ель, ствол которой естественным образом разделялся натрое, как поставленные природой три поминальные свечи. Я увидел, как на застывшем на долгие годы лице матери появилась довольная улыбка.

Когда мать ушла, отец, спавший в зеленой горе через речку от нас, уже превратился в белые кости. Мы с любовью позвали его выйти к нам из земли. Огонь превратил его в горсть пепла, и затем они с матерью вдвоем отправились назад, в родные края.

Дорога домой заняла двадцать *ли*¹⁷, родители знали ее, как линии своих рук. Зеленые горы и прозрачные реки были им так же близки, как местный говор. За всю дорогу старики ни разу не поссорились, они в высшей степени повиновались воле детей.

Я не знаю, какая была погода несколько десятков лет назад, в тот день, когда родители покинули свой родной край. Но когда старики вернулись, в небе низко висели тяжелые тучи. Ливнем в тот день стали слезы потомков. Не знаю, что думали и что чувствовали старики в тот момент. Ответы на все вопросы остались в желтой земле могильного холма.

Мать и отец были сгоревшими свечами, но за тысячу *ли* от них я каждый день прохожу мимо их порога и пристально смотрю в огонь их некогда сгоревших жизней.

С уходом матери сердце мое опустело. Когда четырнадцать лет назад ушел отец, душа моя болела совсем недолго, поскольку я знал, что хоть он и ушел, но не унес с собой всю родительскую любовь, и та семья, что нежно любила меня всю жизнь, все еще здесь. Теперь ушла и мать, семья распалась, и я больше никогда не попаду в то место, что называется «домом». Теперь моя жизнь шаг за шагом подходит к той свече на ветру, а семья 1959 года превратилась в воспоминание. Никакие замыслы и планы не вернут меня к родителям. В этом мире нет человека, способного догнать умершего, нет такого секрета, он давно канул в лету, и если свеча моей жизни погаснет на чужбине, некому будет отнести меня назад.

Все, что осталось в жизни, – ожидание. Оно отличается от воспетой певицей Хуан Цишань¹⁸ любви, которая превратилась в рыдающего голубя, коротающего век в бесконечной смене зеленых и желтых листьев. Трудность ожидания в мою эпоху достигла небывалых пределов. Живая жизнь превратилась в лаконичные телефонные сообщения и посты в микроблогах. Люди больше не умеют терпеливо ждать, они ускоряют созревание фруктов, накачивают их химией, придающей объем; в литературе царит плагиат, чиновники словно ракеты взлетают вверх по карьерной лестнице, любовь стала делом первостепенной срочности: люди, увидевшись впервые, тут же снимают номер в гостинице, чтобы разделить постель... Мать в течение десяти месяцев терпеливо вынашивала в себе мою жизнь, и я буду терпеливым всю эту жизнь и в следующем рождении.

Отец и мать ушли, они больше не вернутся. А я, находясь за тысячи *ли*, никогда больше не вернусь в тот дом. Остался лишь тот горный склон у реки, ставший моей кровной землей. Мои воспоминания о родной земле в конце концов сгустились в нечеткие знаки на надгробной плите.

¹⁷ Ли – китайская мера длины, равная 0,5 км.

¹⁸ Хуан Цишань (р. 1968) – китайская певица, музыкант.

Сейчас я своей жизнью зажигаю свечи, теперь моя очередь платить матери и отцу дань уважения.

Ай Юнь. Чья-то личная печаль

1

В щель между досок, из которых был сложен каркас кровати, поддувал сквозняк; я лежала, укрывшись ватным одеялом, но все еще ужасно мерзла. Жар, мучивший меня много дней, наконец спал, и я пришла в себя.

Я позвала маму:

– Мам, я проголодалась.

До сих пор помню дразнящий запах лапши из ячменной муки. Мама, увидев, что я проснулась, очень обрадовалась. Она замесила тесто и на кухонной доске раскатывала длинную тонкую лапшу, затем подогрела в котелке масло, припустила мелко порезанный лук, а потом бросила туда же лапшу. Я съела чашку и захотела добавки, но мама возразила:

– погоди немного, ты долго ничего не кушала, нельзя за раз съесть так много.

Я пролежала в забытии из-за высокой температуры семь дней, и все это время мама вливали несколько маленьких ложек бульона прямо мне в рот, чтобы поддерживать силы.

Тогда я заболела тифом. Когда очнулась и попросила есть, то буквально вырвалась с того света – владыка Янь-Ван¹⁹ не сумел унести мою маленькую жизнь.

Случилось это, когда мне было пять лет.

Я смутно помню, что тогда произошло.

Только-только наступила осень, а я почему-то ужасно мерзла. Холод пронизывал насквозь, от него было не спрятаться. Мама по-прежнему работала в столовой уличного комитета. Она была очень порядочной, трудилась, не жалея сил, лишнего не съедала, домой не уносила, на посетителях не наживалась, заслужила доброе имя, и председатель уличного комитета по имени Чэнь Сюцин доверила ей место поварихи. Столовая уличного комитета к тому моменту существовала уже очень давно.

Мама не особо за мной следила. Она тогда решила, что сейчас, как это уже бывало в прошлом, я полежу пару дней с температурой, и все пройдет. Потом она увидела, что минуло уже несколько дней, а лучше мне не становится, и тогда отвела меня в столовую уличного комитета и налила щедрую порцию супа из батата с лапшой, но я отказалась.

Я тогда не испытывала ничего, кроме холода, а когда прижалась к плите в столовой, почувствовала тепло. Так приятно! Прямо у плиты я постепенно проваливалась в забытие. Я видела сон. Мне снились огромные огненные шары, которые полыхали так жарко, что мне не хватало воздуха, а потом снова стало холодно, да так холодно, будто я провалилась в ледяной погреб.

Очнулась я уже на больничной койке в частной клинике.

Я заболела тифом. Провалилась с высокой температурой несколько дней подряд, не приходя в себя.

В это состояние я впала, сидя рядом с плитой. После работы мама на руках отнесла меня домой. Мое маленькое тельце стало мягким, как тряпочка. Вечерело. Мама испугалась и, придя домой, сразу же побежала за соседкой, тетушкой Кун.

Тетушка Кун многое повидала на своем веку, приобрела немалый опыт и умела справляться со всякими житейскими неурядицами, именно поэтому мама и отправилась к ней. Тетушка Кун была уроженкой провинции Аньхой, ее супруг много лет назад служил старши-

¹⁹ В китайской мифологии – владыка загробного мира.

ной в Национально-революционной армии²⁰. Сразу после Освобождения²¹ солдаты военной части, в которой служил дядюшка Кун, единодушно подняли восстание, и поэтому дядюшка Кун остался у нас в Кайфэне и стал работать директором овощного магазина. Тетушка Кун считалась красавицей: белокожая пышечка с нежным румянцем, завитые черные волосы, алые губы и белоснежные мелкие зубки, похожие на зерна клейкого риса. Она мне всегда симпатизировала, брала меня на прогулки, все думали, что я ее дочка, нахваливали – мол, я на нее похожа, а тетушка Кун не возражала и с довольным видом соглашалась. Людей связывает судьба – пусть даже это взрослая женщина и ребенок, – и с некоторыми возникает необъяснимая близость, а с другими, напротив, отчуждение.

Тетушка Кун пришла к нам домой, положила руку мне на лоб, а потом сообщила матери:
– У девочки жар. Раз температура такая высокая, значит, что-то серьезное.

Мама растерялась:

– Сестрица Кун, что же делать?

Та подумала немного и ответила:

– Есть у меня один земляк, врач по фамилии Гай, он открыл свой медицинский кабинет, надо немедленно обратиться к нему. Ты посмотри, она уже три дня не ест и не пьет, да еще и температура не сбивается, вся обмякла – раз такое дело, дальше откладывать нельзя.

Сказав это, тетушка Кун взвалила меня на спину, перешла через переулок Хошэньмяо, где мы жили, повернула в хутун²² Хоуцзя, пересекла проулок Шуанлун и добралась до частной клиники, выходившей на восточную сторону улицы Юсыгуань. Тетушка Кун откинула белую занавеску на входе и сказала врачу в белом халате, который занимался пациентом:

– Доктор Гай, девчушка сильно заболела. Скорее осмотри ее!

Доктор Гай был земляком тетушки Кун, и они приятельствовали. Он попросил пациента, которому выписывал рецепт, подождать немного, забрал меня у тетушки Кун, положил на кушетку, измерил температуру, послушал легкие с помощью стетоскопа, а потом сообщил:

– У ребенка тиф, если не начать лечить прямо сегодня вечером, то, боюсь, завтра уже будет не спасти.

Мама рыдала рядом со мной. Она причитала:

– Доктор Гай, у меня и денег-то при себе нет.

Врач успокоил:

– Деньги потом вернете, сейчас важно начать лечение малышки.

Только когда выросла, я узнала, что доктор Гай раньше служил с дядюшкой Куном в войсках Гоминьдана. Он окончил медицинский факультет императорского университета в Токио, служил врачом в войсках Гоминьдана, а потом присоединился к восстанию. После Освобождения они оба с дядюшкой Куном осели в Кайфэне. Доктор Гай в том же здании, выходившем на улицу, где проживал, выделил две комнаты под медицинский кабинет, а его семья жила во внутреннем дворе.

Я смутно помню, что тогда было – лишь то, что доктор Гай был высоким и очень благовоспитанным. Я легла на кушетку, а он сделал мне укол, приговаривая:

– Девчушке повезло, температура уже сорок один, как она еще дотянула, другой бы ребенок на ее месте давно уже того.

Что было потом, я не знаю.

Я провалялась в забытии, наверное, неделю. Придя в себя, съела чашку самой вкусной на свете лапши из ячменной муки с привкусом жареного лука. Вкус обжаренного в масле лука врезался в память и остался на всю жизнь.

²⁰ Вооруженные силы гоминьдановского правительства.

²¹ Речь о победе сил Коммунистической партии Китая в 1949 г.

²² Хутун – традиционный переулок с малоэтажной застройкой.

Тетушка Кун, увидев, что я пришла в себя, тоже обрадовалась, а мать сказала ей:

– Сестрица Кун, вы спасли мою малышку, пусть она будет вашей названной дочерью!

Тетушка Кун больше всего любила слушать похвалы и лесть. Такой она человек: если вы ее уважаете и выказываете это уважение, то она всегда отвечает добром и готова вам отдать свое сердце; но если вы перед ней провинитесь, то она покажет весь свой норов, не успокоится, пока не выведет вас из себя. Тетушка Кун говорила с сильным анхойским акцентом, и во дворе соседки за глаза прозвали ее «южной невежей», а вообще-то она носила в девичестве фамилию Сюй, и звали ее Хуэйжу – очень красивое имя.

Услышав слова матери, тетушка Кун ответила:

– Согласна, признаю ее названной дочерью.

У тетушки Кун был единственный сын по имени Кун Линь. Соседи поговаривали, что тетушка не может родить, а Кун Линь и вовсе приемыш. Тетушка Кун была женщиной суровой, и никто не осмеливался перечить ей. Она-то надеялась на дочку, но только на настоящую.

С тех пор отношения у тетушки Кун с моей мамой стали довольно близкими. Даже если тетушка Кун демонстрировала свой дурной характер, мама никогда с ней не спорила. Мама искренне заботилась о тетушке Кун, никогда не забывая, что та спасла мне жизнь.

Много лет спустя я все думала, что если бы тогда тетушка Кун не отволокла меня на спине к доктору Гаю, если бы опытный доктор Гай сразу не распознал, что у меня за болезнь, и не сделал бы укол, чтобы остановить развитие заболевания, то, боюсь, я отправилась бы в мир иной прямо тем же осенним днем.

Разумеется, нельзя делать таких предположений, особенно если беда обошла стороной. Из-за этого испытываешь запоздалый страх. Но если человеку в последний момент удалось проскочить мимо дверей ада, то он действительно получил благословение. Впредь такой человек должен ценить свое счастье и всегда быть преисполненным благодарности к этому миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.